

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 140.8

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-9

Рупова Р. М.

Философский диалог: М.М. Бахтин – А.А. Дорогов
(воспоминания и архивные свидетельства)

Московская духовная академия Русской Православной Церкви,
Троице-Сергиева лавра, Академия, г. Сергиев Посад, Московская область, 141300, Россия;
rozaliya-rupova@yandex.ru

Аннотация. Имя Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975), выдающегося мыслителя XX века, философа и культуролога широко известно. Актуальность его исследовательской мысли, прозревшей в формах литературного творчества, а также – шире – в исторических формах культуры, глубины знания о человеке, с годами только возрастает. В силу этого интерес к его наследию, в том числе к его научным диалогам, также повышается. В статье приводятся воспоминания об одном из собеседников М.М. Бахтина – Алексее Александровиче Дорогове (1923–2003), имя которого хорошо известно только тем, кто знал его лично, беседовал с ним, слушал его лекции по широкому спектру историко-философских и культурологических проблем. Настоящая публикация ставит задачу выведения из тени забвения нашего замечательного соотечественника, глубокого и оригинального мыслителя, которого связывала дружба с М.М. Бахтиным, начавшаяся 20 августа 1965 г. и продлившаяся до смерти последнего в 1975 г. Их диалоги можно отнести не просто к жанру мемуаристики, но к истории научной мысли. Статья дополнена личными воспоминаниями автора о встречах и беседах с А. Дороговым. Публикация может открыть новые грани жизни и творчества М.М. Бахтина, равно как восполнить картину научной мысли XX века за счет включения в нее малоизвестного мыслителя, Алексея Александровича Дорогова.

Ключевые слова: М.М. Бахтин; А.А. Дорогов; диалогизм; философия культуры; философская антропология

Для цитирования: Рупова Р. М. Философский диалог: М.М. Бахтин – А.А. Дорогов (воспоминания и архивные свидетельства) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 110-119. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-9

R. M. Rupova

**Philosophical dialogue: Mikhail Bakhtin - Alexey Dorogov
(memoirs and archival evidence)**

Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church,
Trinity-Sergius Lavra, Academy, Sergiev Posad, Moscow region, 141300, Russian Federation;
rozaliya-rupova@yandex.ru

Abstract. The name of Mikhail Mikhailovich Bakhtin (1895–1975), an outstanding thinker of the 20th century, philosopher and cultural scientist, is widely known. The relevance of his research thought, which comprehended the depth of knowledge about man in the forms of literary creativity, as well as in historical forms of culture, only increases over the years. Because of this, interest in his legacy, including his scientific dialogues, is also increasing. The article provides memories about one of M.M. Bakhtin’s interlocutors – Alexei Alexandrovich Dorogov (1923-2003), whose name is well known only to those who knew him personally, talked with him, listened to his lectures on a wide range of historical, philosophical and cultural problems. This publication sets out to bring out of the shadows of oblivion our remarkable compatriot, a profound and original thinker who was linked to M.M. Bakhtin by a friendship that began on 20 August 1965 and lasted until the latter's death in 1975. Their dialogues can be attributed not just to the genre of memoirs, but to the history of scientific thought. The article is supplemented by the author’s personal memories of meetings and conversations with A. Dorogov. The publication may open up new facets of M.M. Bakhtin’s life and work, as well as to complete the picture of scientific thought of the twentieth century by including in it a little-known thinker, Alexei Alexandrovich Dorogov.

Key words: M.M. Bakhtin; A.A. Dorogov; dialogism; philosophy of culture; philosophical anthropology

For citation: Rupova R. M. (2024), “Philosophical dialogue: Mikhail Bakhtin – Alexey Dorogov (evidences and documents)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 110-119, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-9

20 августа 1965 года в Саранске приземлился небольшой самолет местных авиалиний, на котором из Пензы прилетел Алексей Дорогов с целью встречи и беседы с Михаилом Михайловичем Бахтиным, чье имя было уже широко известно в научных кругах благодаря выходу в свет его трудов. Независимо друг от друга со своими вопросами к Бахтину приезжали Г. Гачев (1929–2008), В. Кожин (1930–2001), В.Н. Турбин (1927–1993) и другие философы, писатели и культурологи, для которых мысль М. Бахтина, сбив

стереотипы понимания культуры, приоткрыла новые перспективы.

С какой целью предпринял Алексей Дорогов этот перелет? «У меня появилось много вопросов, на которые хотелось получить ответы от самого Бахтина. Мне захотелось подробнее узнать о фактах его биографии, о его учителях, о генезисе его идей, о его мировоззрении... Кроме того, мне захотелось узнать его мнения о многих идеях, меня интересовавших, а также поделиться с ним своими мыслями, узнать его мнение о них, рассказать о своем мировоззрении» (Дорогов, 2005: 167).

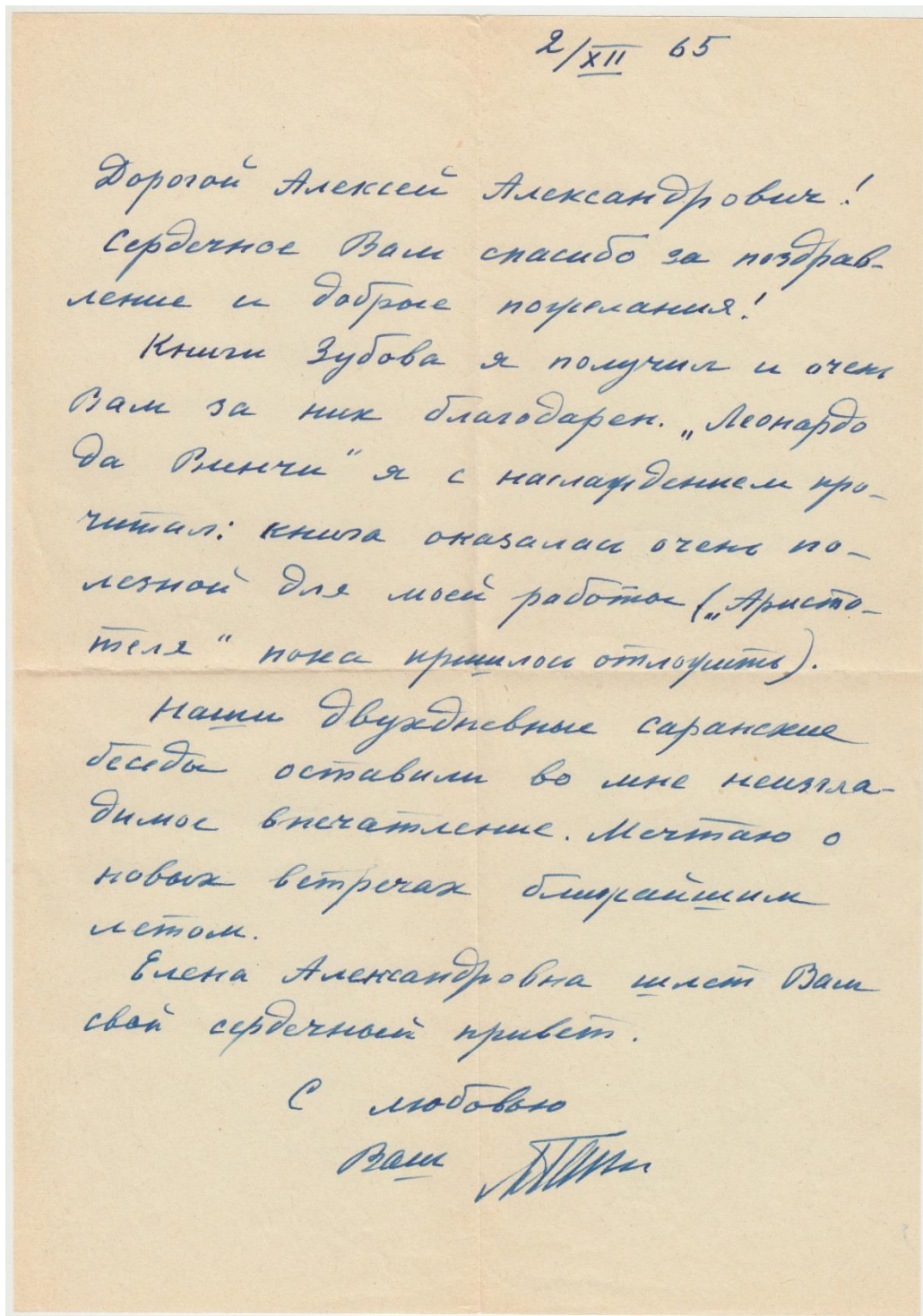

Рис. 1. Письмо М.М. Бахтина – А.А. Дорогову от 2 декабря 1965 г.
Fig. 1. Letter from Mikhail Bakhtin to Aleksei Dorogov dated December 2, 1965

Основанием столь глубокого интереса к идеям М.М. Бахтина был тот факт, что в ситуации кибернетического бума, которым была охвачена наша страна, в условиях засилья неопозитивизма и прагматизма, он открывал иные научные перспективы,

показывал другой путь, предлагал по-новому увидеть положение человека в мире. Перефразируя слова В. Турбина, ученика и последователя М.М. Бахтина, много содействовавшего устроению его жизненных проблем, можно сказать, что

Бахтин явил нам иные культурные миры (творчество Рабле, Гоголя и Достоевского) в их трудно доступной для нас подлинности. Диалогизм, открытость как базовые характеристики культуры, имели для Бахтина методологический характер; в его трудах выражено осознание жизни как непрерывающегося живого диалога с Богом – не эта ли установка впоследствии стала основанием для «богословия общения», ярко выразившего себя в трудах митр. Иоанна (Зизиуласа) (Иоанн (Зизиулас), 2006)?

Алексей Александрович был тепло принят в доме Бахтиных и провел два незабываемых дня в разговорах с Михаилом Михайловичем. Среди множества тем, которые они обсуждали, отметим несколько. Бахтин сказал, что считает своим учителем Фаддея Францевича Зелинского (1859–1944) – профессора Московского университета, блестящего знатока античности. Большое влияние на Михаила Михайловича оказала Марбургская школа неокантианцев (прежде всего, Герман Коген), а также другие философы начала XX века: Эдмунд Гуссерль (1859–1938), Макс Шелер (1874–1928), Николаус Гартман (1882–1950). Главная область собственных размышлений и исследований Бахтина – философская антропология (Дорогов, 2005: 168–169). Можно утверждать, что тема человека была центральной осью его не только культурологических, но и литературоведческих, и лингвистических штудий. В дальнейшем общение продлилось в эпистолярном жанре, а также лично, когда Алексей Александрович неоднократно посещал Бахтиных после их переезда в Москву.

Вглядимся теперь в лицо самого Алексея Дорогова, столь активно заинтересованного в общении с М.М. Бахтиным, перешедшем в формат

дружбы, продлившейся до его смерти в 1975 году. Отметим интересный и важный в контексте данной статьи факт его биографии: при том, что ему было сложно выражать свои мысли на бумаге, одним из немногих его текстов были именно воспоминания о Бахтине, опубликованные уже после смерти А.А. Дорогова.

Предоставим, прежде всего, слово его коллегам и собеседникам.

Личностью Алексея Александровича Дорогова восхищалось немало специалистов, слышавших его лекции и доклады, реплики на семинарах, симпозиумах, конференциях, в дискуссиях по самой различной проблематике – от влияния эволюции ткацких станков и шахтных насосов на рост промышленного капитала в Англии XVIII века до сравнительного анализа элементов «интеллектуального кино» у Эйзенштейна и Аллена Ренэ, от автоматизации архитектурно-строительного проектирования до живописи импрессионизма как прямого переносе на холст образов предметного мира, возникших на сетчатке глаза художника.

Слышавших, но не читавших. Ибо помимо полутора десятка небольших по объему, хоть и чрезвычайно насыщенных статей в малотиражных ведомственных бюллетенях и сборниках 50-х–70-х годов, Алексей Дорогов не опубликовал печатно ни единого слова из своих капитальных, поистине грандиозных трудов. И не потому, что не хотел их печатать или не находил для них издателя. Итоги кропотливых архивных разысканий и документальных штудий, результаты обобщения огромной массы конкретно-эмпирических данных в свете новейших научных теорий и плоды оригинальнейшего культур-философского синтеза просто не облекались Дороговым в письменную форму.

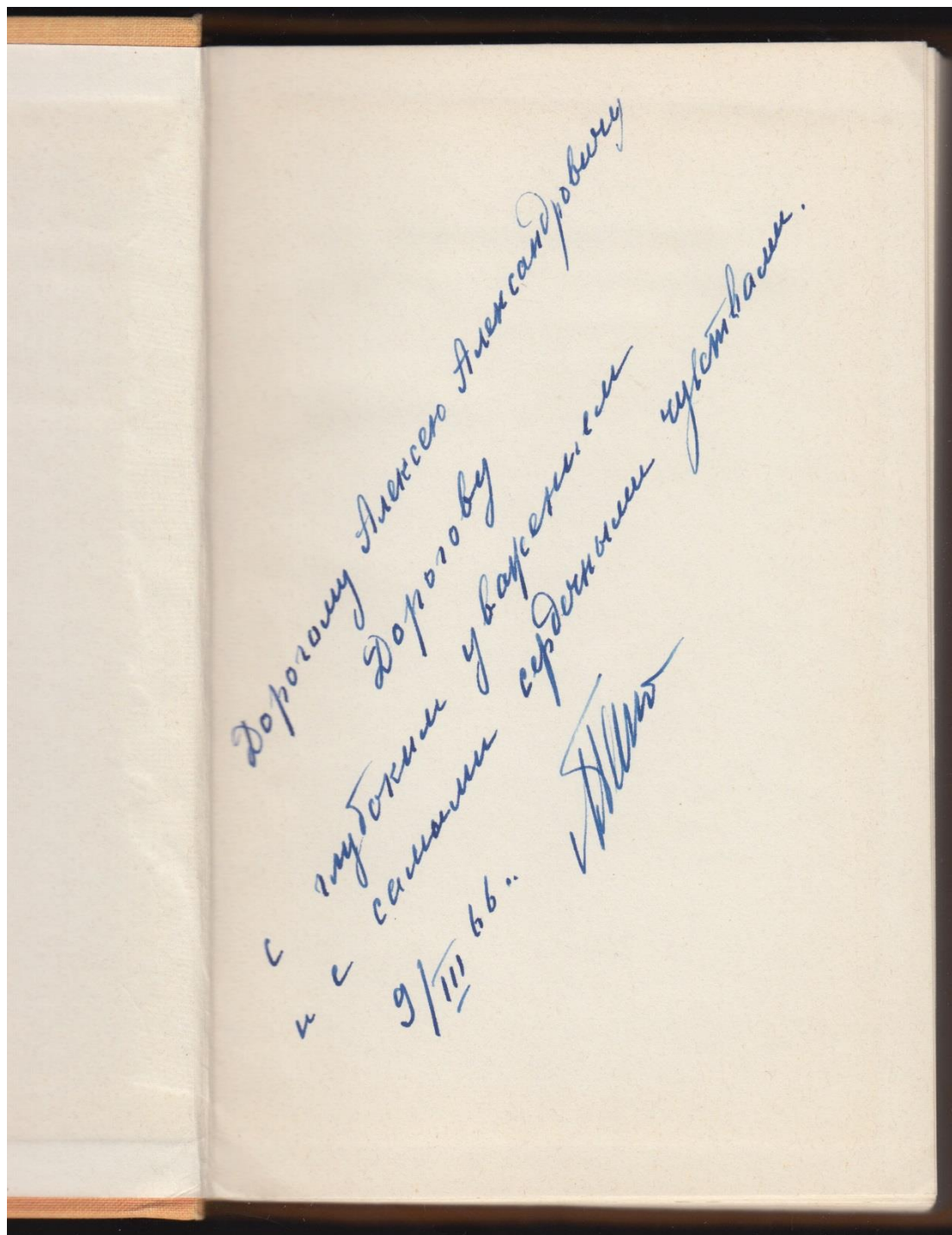

Рис. 2. Дарственная надпись на книге Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1965

Fig. 2. Dedicatory inscription on the book Bakhtin M.M. (1965), *The Works of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*, Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR (in Russ.)

Все эти несметные духовные богатства хранились у него в действительно фантастически емкой, безотказной,

великолепно структурированной памяти. Лишь малую часть им продуманного он успел претворить в свой сверхнасыщенный

устный дискурс и передать по настоящему восприимчивой аудитории – в последние десятилетия своей жизни.

Почему же ему была присуща, чем вызывалась эта, как сам он с улыбкой признавал, катастрофическая аграфия? Его сестра, Нина Александровна, неразлучная с ним всю жизнь, указывает на ряд причин. По-моему, надо добавить еще одну.

Каких бы сложных и глубоких вопросов не ставил себе и нам Алексей Дорогов, какие бы темные и запутанные проблемы не атаковал, с какими бы концептуальными трудностями при этом не сталкивался, главным орудием его неустанно ищущей мысли служила устная речь – живая, проникнутая огромной волевой энергией, ценностно нагруженная, внутренне динамичная и ориентированная на диалог. Во всех его выступлениях, полных частых повторов, возвратов к исходным пунктам, циклического варьирования и множественных ветвлений основной темы, звучали не только объективные констатации, смелые гипотезы, солидно фундированные аргументы и точные ссылки на надежные источники. Там отчетливо воспроизводились и обретали новую значимость голоса тех (еще здравствовавших или давно ушедших), с кем он соглашался или вступал в спор, чьи взгляды критиковал, дополнял или развивал, кого считал незаслуженно забытым или превратно понятым, но достойным быть полноправным участником «взаимно-обучающего разговора», ведомого в реальном времени, здесь и сейчас, on-line.

Подобного рода коллоквиум, многосторонний устно-речевой обмен или, по-сегодняшнему, интерактивный сетевой чат во всем историко-культурном пространстве, нельзя было напрямую перевести в письменно-монологический текст.

В режиме off-line терялась напряженная динамика, ощущение рискованного умственного приключения,

чувство непосредственно личной вовлеченности в процесс поиска, трудность которого дотоле воспринималась не как гнетущее бремя, но как бодрящий вызов к упражнению собственных мыслительных сил. Алексей Александрович, чей ум не только работал безостановочно, но и мгновенно откликался на любой внешний сигнал, несущий в себе хоть капелюк относящегося к делу смысла, понимал это лучше всех других. Лишь единственный раз ему пришлось править расшифровку (магнитофонный транскрипт) своей лекции (так и не напечатанной), и, страшно с нею измучившись, он заявил, что было бы куда легче и разумнее написать все заново, ибо между словом произносимым и словом запечатленным пролегает пропасть.

В действительности положение складывалось еще тяжелее. Будучи перфекционистом самой высокой пробы, А. Дорогов не раз со вздохом признавался: любое начертанное им на бумаге высказывание настолько рознится с задуманным, а достижение достаточной близости требует столь чудовищных затрат труда и времени, что само желание взяться за сколько-нибудь пространное сочинение угасает само собой. Не потому ли он, в конце концов, сосредоточился на легко и адекватно фиксируемых афоризмах?

Его основным письменным жанром были сверхсжатые конспекты прочитанного, векторные схемы продумываемых идей и пунктирные планы устных выступлений – по счастью, это драгоценное наследие сохранилось, надо только найти к нему ключ. А пока – типичная сценка: готовясь к очередной лекции или докладу минут за пятнадцать до начала, Алексей Александрович, никуда не заглядывая и ни с чем не сверяясь, наносит бисерным почерком на одну сторону (иногда только половину) каталожной карточки с десятком имен, дат и ключевых слов, приговаривая как бы про себя: «Николай Фёдорович Фёдоров заповедовал каждому сочинителю, выпускающему в свет свое детище, самому его и

аннотировать – причем так, чтобы при исчезновении всех оттисков и даже манускрипта, вдумчивый читатель мог бы по оставшейся библиографической справке восстановить с необходимой полнотой основное содержание утраченной статьи или книги». Так вспоминал об А.А. Дорогове Леонид Переверзев, музыковед, специалист по джазу, теоретик дизайна, автор нашумевшей книги «Искусство и кибернетика» (1960)). Воспоминания были опубликованы Руповой Р.М. в словаре «Философы современной России» (Рупова, 2017: 124-127).

Игорь Голомшток¹ вспоминал: «Человека с такой эрудицией я больше не встречал. Он читал нам десятки лекций по истории науки, искусства, техники, философии, выстраивал хронологические ряды, сопоставлял этапы развития разных областей материальной и духовной деятельности и строил из всего этого монолитную пирамиду человеческой культуры. И при этом он почти не мог писать. Как-то он пожаловался мне: "Я не понимаю Тойнби: как человек, столько знающий, мог так много писать"» (Голомшток, 2011).

Биографическая справка

Алексей Александрович Дорогов родился 12 марта 1923 г. в селе Кудеиха Алатырского уезда Симбирской губернии. Отец – Александр Иванович Дорогов (1879–1963) – педагог, агроном, ученый-почвовед и изобретатель. Окончил Учительскую семинарию, Учительский

институт и Московский Сельскохозяйственный институт. Мать – Антонина Владимировна Дорогова (1887–1940) – закончила Петроградские Высшие женские курсы («Бестужевские») и Петроградский университет, работала преподавателем литературы и французского языка. Семья жила в Пензе.

Этапы высшего образования Алексея Дорогова: Московский энергетический институт, факультет точной механики Пензенского индустриального института, истфак Пензенского педагогического института (экстерном), аспирантура в Москве при Институте истории естествознания и техники АН СССР. В 1956 г. – защита диссертации по теме: «Развитие механизмов в России. Ранний период. XIV – первая половина XV века». Далее, в разные годы, А. Дорогов работает научным сотрудником Института истории естествознания и техники, Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ), читает спецкурсы в МГУ («История визуального мышления»), в Московском полиграфическом институте («История искусств»). В круг собеседников А.Дорогова входили: М.М. Бахтин, Р. Якобсон, академик Р.Ю. Виппер, Д.Д. Бурлюк, И.Г. Эренбург, В.Б. Шкловский, Н.И. Харджиев, Вяч. Вс. Иванов, Э. Кольман, Э.В. Ильенков, Г.С. Померанц, С.С. Аверинцев, Г.Д. Гачев, В.В. Кожинов, С.И. Юткевич, Г.М. Козинцев, Ю.Б. Норштейн, Б.Л. Переверзев.

¹ Автор книг «Тоталитарное искусство» (М., 1994), «Искусство авангарда в портретах его представителей в Европе и Америке» (М., 2004);

«Английское искусство от Ганса Гольбейна до Дэмиена Херста» (М., 2008). С 1972 года жил в эмиграции.

Рис. 3. Алексей Александрович Дорогов. Фото из личного архива автора
Fig. 3. Alexey Alexandrovich Dorogov. Photo from the author's personal archive

Некоторые мысли А.А. Дорогова

- Насколько себя помню, меня всегда занимали проблемы синтеза знаний. И я всю жизнь решал их, как мог.

- Уже довольно рано я понял, что только история дает возможность такой синтез осуществить естественно и вполне

- История для меня – не отрасль знания, а мировоззрение, и всё включено в неё;

- Логика истории сильнее всякой другой логики.

- История – это металогика и

метафилософия;

- История – это диалог, который никогда не прекращается;

- История – вечный суд с бесконечным количеством кассаций;

- История – это сверхдрама с непредсказуемым концом.

- Как и К. Маркс, говорю: я знаю только одну науку – науку истории.

- Структуры знания отражают социальные и технические структуры.

- Аксиомы Ньютона выражают систему метафизических представлений,

адекватных всей системе классического капитализма.

- Механизм как модель движения общества. В последней трети XIX века триумф биологических наук, дарвинизма, совпадает с универсальной организмической концепцией общества и истории. (Герберт Спенсер).

В течение последних двадцати лет жизни А.А. Дорогова мне посчастливилось быть его частой собеседницей. Прослушав его курс истории искусств в Полиграфическом институте, я осмелилась подойти к нему и выразить желание продолжить беседы. С тех пор, став регулярным гостем в квартире в Чертаново, где жили Алексей Александрович и его добрейшая сестра Нина Александровна, преподаватель французской литературы в Университете Дружбы народов, в течение долгих часов я с глубоким интересом, с изумлением внимала речам А.А. Дорогова, касавшимся самых различных аспектов познания мира. Острый период поиска смысла, интеллектуальный голод, побудивший меня искать ответы на вставшие передо мной мучительные вопросы, сдружили нас с Алексеем Александровичем, которому всегда были необходимы слушатели и собеседники. В итоге, действительно, выстраивалось стройное мировоззренческое здание, стержнем и методологическим фундаментом которого был историзм. Особое место в наших беседах занимал Николай Федорович Федоров – великий русский мыслитель, которого А.А. Дорогов глубоко чтит и, можно ответственно сказать, был в наши дни единственным в мире настоящим знатоком его учения. Можно наблюдать, как под этикеткой «космиста» или в карикатуризованном облике идеолога рукотворного «воскрешения мертвых» этот русский гений представлен на страницах учебников философии или в околонучной публицистике. С другой стороны, уважение и любовь к великим предшественникам не

должны приводить нас к принятию их заблуждений. Имея в качестве эталона ресурс святоотеческой традиции, мы можем оценить самые различные теории с точки зрения их отношения к христианству.

Как наследие этих штудий, в моих научных трудах присутствует то, что я бы назвала «школа Дорогова» – установка на ответственное отношение к фактам, строгость мысли в гуманитарной сфере, соответствующая нормам технических и математических наук, и стержневой исторический подход, то есть видение истории как «металогии для всякой логики». Сжатая форма статьи, разумеется, не дает возможности «воскрешения личности». Тем не менее, такая попытка сделана, ибо светлая память об этом незаурядном человеке и мыслителе осталась жить в сердце и совершать в нем свою работу.

Литература

Голомшток, И. Воспоминания старого пессимиста // Знамя. 2011. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/2/go12.html> (Дата обращения 29.06.2024)

Дорогов, А.А. О встречах с М.М. Бахтиным и о его месте в истории лингвистических идей (публикация П. Переверзевой) // Московский лингвистический журнал. 2005. Т. 8. № 2. С. 161–183.

Иоанн (Зизиулас), митр. Бытие как общение. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. 280 с.

Рупова, Р.М. Дорогов А. А. // Философы современной России. Энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Энциклопедист-Максимум», 2017. С. 124–127.

References

Dorogov, A. A. (2005), "About meetings with M.M. Bakhtin and his place in the history of linguistic ideas" (publication by P. Pereverzeva), *Moscow Linguistic Journal*, 8 (2), 161–183 (in Russ.).

Golomshtok, I. (2011), "Memories of an old pessimist", *Znamya*, 2, available at: URL:

<http://magazines.russ.ru/znamia/2011/2/go12.html>
(Accessed 29 June 2024) (in Russ.).

John D. Zizioulas. (2006), *Being as communion*, St. Philaret Orthodox Christian Institute, Moscow, (in Russ.)

Rupova, R. M. (2017), "Dorogov A. A.", *Filosofy sovremennoy Rossii* [Philosophers of modern Russia. Encyclopedic Dictionary], Publishing house "Encyclopedist-Maximum", Moscow, 124–127. (in Russ.)

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Рупова Розалия Моисеевна, доктор философских наук, доцент кафедры Библистики Московской духовной академии Русской Православной Церкви, Троице-Сергиева лавра, Академия, г. Сергиев Посад, Московская область, 141300, Россия; rozaliya-rupova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Rosalia M. Rupova, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Biblical Studies, Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church, Trinity-Sergius Lavra, Academy, Sergiev Posad, Moscow region, 141300, Russian Federation; rozaliya-rupova@yandex.ru